

Некоторые наблюдения над системой личных прозвищ жителей русских поселений Республики Коми*

С. Г. Низовцева

научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН. Россия, г. Сыктывкар.
ORCID: 0000-0003-4197-1850. E-mail: svetlananiz@mail.ru

Аннотация. На территории Республики Коми выделяется несколько русских поселений, сформированных русскими переселенцами из разных губерний России. В их числе горнозаводские посёлки Кажым, Нючпас (Койгородский р-н), Нювчим (Сыктывдинский р-н) и населенные пункты Троицко-Печорского района, расположенные по берегам верхней Печоры и ее притоков; их формирование обусловлено разными причинами: зарождением промышленности, освоением северных территорий, конфессиональным фактором и др. Фольклорная культура этих локальных традиций относительно недавно попала в поле зрения исследователей, экспедиционные изыскания проводились лишь с начала XXI в., опубликован ряд работ. В данной статье рассматривается корпус личных прозвищ, записанных сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в ходе полевых экспедиций 2008–2017 гг., предпринята попытка их описания и систематизации. В ходе анализа отмечены общие и отличительные черты в прозвищном именназвании жителей заводских поселений и верхней Печоры.

Ключевые слова: русская традиция, фольклор, переселенцы, личное прозвище, родовое прозвище

На территории Республики Коми выделяются несколько русских поселений, сформированных русскими переселенцами из разных губерний России. В их числе горнозаводские посёлки Кажым, Нючпас (Койгородский р-н) и Нювчим (Сыктывдинский р-н), формирование которых связано с открытием на этих территориях железорудных промыслов (XVIII в.) и переселением обученных заводскому делу крепостных крестьян из губерний северной и центральной России¹; в связи с таким составом населения в этих поселениях формируется фольклорная культура, основой которой становятся традиции тех мест, откуда происходят заводчане [3, с. 133]. Русскими по своему составу также считаются населенные пункты Троицко-Печорского района республики, расположенные по берегам верхней Печоры и ее притокам, в частности посёлок Якша, сёла Курья и Усть-Унья, деревни Волосница, Пачгино, Светлый Родник, Бердыш, которые были основаны и заселялись с начала XVIII в. русскими крестьянами, преимущественно из Чердынского края Пермской губернии (северное Прикамье), и обрусевшими коми-пермяками [1, с. 4–12]; на формирование местной традиции оказал влияние и конфессиональный фактор: со второй половины XIX в. на средней и верхней Печоре возникло множество скитов (сначала старообрядческих, позже скрытнических)². Фольклорная культура этих локальных традиций относительно недавно попала в поле зрения исследователей, экспедиционные изыскания начали проводиться лишь в начале XXI в., по итогам исследований опубликован ряд работ³.

© Низовцева С. Г., 2018

* Работа подготовлена в рамках проекта № 18-6-6-25 по Программе фундаментальных научных исследований УрО РАН.

¹ Подробнее об истории русских заводских поселений и формировании местной фольклорной традиции см.: [3, с. 132–147].

² Фольклорная традиция верхней Печоры стала предметом специального изучения сотрудников ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН совсем недавно, первые экспедиционные обследования этой территории были предприняты в 2016 г., об этом см. [1, с. 63–66].

³ См., например: Низовцева С. Г., Шахматская П. А. Обзор фольклорных материалов, записанных от русского населения пос. Нючпас и Кажым (по результатам экспедиций 2013 г. в Койгородский р-н Республики Коми) // Вопросы диалектологии и полевые исследования: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам конф. Сыктывкар, 2013. С. 190–196; Истомина П. А. Поверья о колдунах в репертуаре русского населения заводских поселений Республики Коми (обзор сюжетов, мотивов, некоторые аспекты поэтики) // Норма и аномалия в славянской и еврейской культурной традиции : сб. ст. / отв. ред. О. В. Белова. М., 2016. С. 218–230; Крашенинникова Ю. А. Горнозаводские поселения Республики Коми: история промысла в экспедиционных материалах XXI в. // Грибушинские чтения. Кунгурский диалог : тез. докл. и сообщений XI Междунар. соц.-культ. форума (Кунгур, 20–22 апреля 2017 г.). Пермь, 2017. С. 288–291; и др.

Предметом данной статьи станет корпус личных прозвищ, записанных сотрудниками сектора фольклора ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН в ходе полевых экспедиций 2008–2017 гг., принята попытка их описания и систематизации⁴. В ходе анализа отметим общие и отличительные черты в прозвищном имяназвании жителей заводских поселений и верхней Печоры.

Под личным прозвищем мы понимаем дополнительное, неофициальное имя человека, используемое для наиболее точной личностной оценочной характеристики номинируемого, выделяющее его в коллективе и служащее для идентификации его в сообществе. В отличие от официальных наименований прозвища, прежде всего, связаны с образными переживаниями и выражают эмоциональную оценку. «Как особая категория собственных имен личные прозвища бытуют в отдельных территориальных социальных и других антропонимических микросистемах, в пределах определенной коммуникативной общности. Они известны только в кругу этой общности, где их используют в качестве единственного личного имени, заменившего собой и имя, и отчество, и фамилию; таким образом, прозвища выполняют заместительную функцию» [15, с. 59].

Во всех русских поселениях, как в заводских, так и на Печоре, весьма распространено называние женщин по имени или фамилии мужа. Подобные прозвища называют андронимами (именования жен, образованные от имен, фамилий или прозвищ мужей). Андронимы на -их(а), как отмечают исследователи, появляются на Руси с XVI в. и становятся широко употребительными, например, в Зауралье в XVII–XVIII вв., о чем свидетельствуют архивные источники [6, с. 87]. Подмена личного женского имени на имя мужа указывает на социальный статус женщины, подчиненное положение в семье и обществе. «На протяжении многих столетий женщина играла в основном второстепенную роль при мужчине, из-за чего многие женские онимы возникали с отсылкой к мужскому антропониму» [2, с. 194].

Женщин могли называть: **по имени мужа** (произносили только прозвище или личное имя и прозвище, что облегчало идентификацию): Васиха < Василий, Романиха < Роман, Костиha < Константин, Сержиха < Сергей, Вениха < Венедикт, Шура Митиха < Дмитрий, Марья Николиха < Николай и т. п.; **по фамилии мужа или своей** (больше распространено в заводских поселках, на Печоре зафиксированы единичные примеры): Гусиха < Гусева, Козлиха < Козлова, Косариха < Косарева, Толстычиха < Толстых, Кувардиха < Кувардина, Пирожиха < Пирог и т. п. Более редки случаи, когда женщин называли **по физическому недостатку мужа** или **его прозвищу**: Глушиха в пос. Кажым (у женщины был глухой муж), Ведилиха, Дьячиха в с. Усть-Унья (прозвища мужей Ведило, Дьяк).

На Печоре (д. Пачгино) женщин также могли называть по имени матери (Анна Дунина, Анна Натальина и т. п.); по отцу или матери также могли именовать детей (в наших записях – именно сыновей): Володя Тимин < сын Тимофея, Лёня Ерёмин < сын Ерёмы, Володя Христинин < сын Христины, Егор Аннин < сын Анны и т. п. Подобный единичный пример записан в заводском посёлке Нювчим: мужчина получил прозвище Коля Манин (мать звали Маня и все её дети номинировались как Манины). Любопытный случай зафиксирован на Печоре: в с. Усть-Унья мужчина получил прозвище по имени жены – Шура Мотин (< жена Матрёна), а не наоборот, как было принято. Возникновение личных прозвищ от женских антропонимов весьма редкое явление, одной из возможных причин может быть более высокий статус женщины в микросоциуме или отсутствие в семье по каким-то причинам хозяина/мужа/отца (например, не вернулся с войны).

Хочется отметить, что андронимы не несут особой информативности о носителе прозвища и обладают нейтральной коннотацией. Все другие личные прозвища (в местной терминологии – *кличка, обзЫвок, погонЯло*), зафиксированные в заводских поселениях и на верхней Печоре, обладают определенной оценочностью и характеризуют людей с разных сторон. Мы распределили их по нескольким категориям, в основе систематизации лежат мотивировочные характеристики (рассматриваем только те случаи, когда мотивация зафиксирована).

Больше всего записано личных прозвищ **по внешнему виду** номинируемого – прозвища выделяют яркую, бросающую черту внешности или заметный физический недостаток:

Заводские поселения: Иван Безрукий (вернулся из армии без руки), Миша Косой (косые глаза), Поля Кишка (худая и длинная), Березка (высокая и худая), Саня Пурга (быстро ходит), Саша Черный (по цвету волос), Ленька Рыжий (по цвету волос), др.

⁴ Подобное исследование выполнено на материале личных прозвищ народа коми из рукописных архивных источников первой трети XX в. [3, с. 94–103]

Верхняя Печора: Васька Таракан (рыжий и с усами), Миша Хряк/Кабан (здоровый, крупный), ВедИло (высокий человек, по словам информанта «издалека видно», «его даже дети звали дядя Ведило»⁵), Морошка (рыжий, с рыжей бородой), Пестерь (лицо круглое), баба Зоя Туричок⁶ (маленькая, кругленькая), Поля Манец (внешне похож на манси), Гуляй нога (у мужчины одна нога была короче другой, он ходил и припрыгивал), др. В редких случаях в номинировании наблюдается принцип инверсии или энантиосемии, например человек маленького роста получил прозвище Лыжа (по словам информанта: «лыжа от слова лыза – длинный, долгий»⁷).

Другая многочисленная группа – это **прозвища, восходящие к личным качествам человека, его манере поведения, речевым особенностям**, причем в номинациях маркируются как положительные, так и отрицательные качества.

Заводские поселения: Петя Хитрый (по характеру), Петя Дыда (непонятная речь), Ботала⁸ (болтливая женщина – «надо, не надо – всё бубнит, болтает»⁹), Ольга Поточка¹⁰ (любила много разговаривать, «поткает – ворчит, много болтает»¹¹), др.

Верхняя Печора: бабка Герой (бойкая старушка, всем помогала, умела все делать), Муравей (работящий), Васька Цыган (хитрый, обменивал вещи), Шёршень («бабка задиристая такая была, щетинилась»¹²), Герасим БУргало¹³ (когда что-то делает, бурчит, сам с собой разговаривает), Советник (бабушка любила давать советы); Пашка Горносталя¹⁴ (ловкий, хитрый, изворотливый), др.

Больше всего прозвищ, относящихся к следующим группам, записано в заводских поселениях и лишь единичные варианты – на Печоре.

Прозвище могли дать по месту рождения или проживания человека, реже – **по национальности**. К примеру, номинации Кобереч в пос. Нючпас (предок из с. Кобра), Манька/Маня Солёная (женщина была родом из с. Серёгово, где добывали соль), Ваганов в пос. Нювчим (предок из мест по р. Вага), Паня Певский (родом с д. Певка, находящейся рядом с пос. Нювчим). На Печоре подобные прозвища менее частотны, так как, на наш взгляд, местные сообщества более однородны и устойчивы по своему составу, выходцев с других мест было немного, таких сразу выделяли в коллективе и давали соответствующее прозвище, как, например, Паша БердышАнский в с. Усть-Унья (родом из д. Бердыш), Васька Зырян в д. Пачгино (коми по национальности, родом из коми д. Мамыль).

Отдельную группу составляют **прозвища по роду занятий, профессии, должности или званию** (самого номинируемого или его родных): Депутат (работал депутатом), Прапорщик (служил прапорщиком в армии), Комендантша (отец работал в милиции), Лиза ПекарИха (работала в пекарне), Гибочка¹⁵ (мужчина был жестянщиком, «гнул металл»), Пончик (работала в пекарне), Узда (работал с лошадьми), Вася Солин (дед возил на лошадях соль из с. Серёгово или г. Сольвычегодска), др.

Некоторые из прозвищ, указывающие на профессию или звание, в своем значении имеют другую коннотацию – не называют род занятий, а дают личностную характеристику объ-

⁵ Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2017 г. от Собянина П. Н. 1956 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Усть-Унья.

⁶ Туричок – Арх. 'катушка, на которую наматывается пряжа, нитки' [13, с. 270]. На Печоре служит также для наматывания полосок ткани, из которых делали половики.

⁷ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Лызлова В. И., 1950 г. р., Троицко-Печорский р-н, д. Светлый Родник.

⁸ Ср.: Ботало – Арх., Перм., Сиб., др. 'изготовленный из медного или железного листа колокольчик, который надевается на шею коровам и лошадям, пасущимся без пастуха'; перен. 'болтун, пустомеля' [7, с. 129].

⁹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Кушковой Н. В., 1952 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нючпас.

¹⁰ Потка – Вят., Киров., Волог. 'певчая птица, птичка' [10, с. 284]; поточка – Волог. – ласк. 'птичка, пташка' [12, с. 300].

¹¹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Вавиловой Л. В., 1930 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

¹² Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2017 г. от Собянина П. Н. 1956 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Усть-Унья.

¹³ Ср.: Буркало – Даль 'брюзгливый, ворчливый человек' [7, с. 289].

¹⁴ Горносталя – Арх.; Олон., Новг., Волог., Перм., Урал. 'горноста́й' (с пометой «стар.») [9, с. 51].

¹⁵ От гибаться, -аюсь, -аешься и гиблюсь, гиблишься, несов.; гибнуть, -нись, -нешься, сов. 'гну́ться, сгибаться' [8, с. 168].

екту номинации или указывают на его внешний вид. Например, Старшина (следил за порядком на рабочем месте), Полковник (не военный, просто любил командовать), Комиссар (ходил в кожаной тужурке-куртке).

К следующей группе отнесем прозвища, данные по **пристрастиям или любимым занятиям**. Например, мужчина из пос. Нювчим получил прозвище Губник, потому что любил губники (по сообщению информанта – *губник* – небольшой пирожок из ржаной муки с ягодной начинкой или с грибами¹⁶); Мишка Кальян (курил трубку); Молёнок (мальчик любил ловить рыбу *молик/молёк*¹⁷); Крохаль (очень любил есть рыбу, как крохаль¹⁸; по другой версии: быстро ел, глотал пищу, как утка).

Окказиональные прозвища основаны на тех событиях или случаях из жизни номинируемого, которые надолго запоминаются и служат отличительными признаками, выделяющими человека из ряда ему подобных. Яркий пример представлен в рассказе о происхождении мужского прозвища Помада, записанном в пос. Нювчим. Одного мужчину, работника завода, женщины попросили привезти из города «помадку» (вид конфет), а он их неправильно понял и привез помаду для губ, после этого его прозвали Помада¹⁹. У мужчины из печорской деревни Волосница было прозвище Пчела, так как на общих собраниях любил всех перебивать, один раз ему сказали: «*Ты жужжишь и жужжишь, как пчела, никому слова не даешь скатать*», поэтому дали такое прозвище²⁰.

Совмещение нескольких принципов номинации также способствует возникновению ярких прозвищ. Например, прозвище дано в детстве по особенностям речи (не выговаривала некоторые буквы) и определенной ситуации, в которой находился номинируемый. У информанта из пос. Кажым было прозвище Катя Хо, причем она сама рассказала историю возникновения номинации: «*А я про себя скажу. [Было прозвище] Катя Хо. [Почему?] Я училась когда, я плохо выговаривала слова. Я любила на сцене всегда выступать. И я выйду на сцену и говорю: "Один сокол Ленин, другой хохол Сталин". А все: "Ха, ха, ха". Не сокол, а хохол Ленин, хохол Сталин. И меня все [стали называть]: "А, это Катька Хо. Знаю Катьку Хо". [Вы не обижаетесь?] Нет, нет, не обижаюсь*»²¹.

Следующие группы прозвищ представлены единичными вариантами или небольшим количеством номинаций.

По благосостоянию. В пос. Кажым зафиксировано прозвище Сашка Царёнок («*говорили, что у отца его было золото, поэтому так звали*»²²).

Прозвища с использованием прецедентных имен (героев книг, фильмов, исторических личностей). В пос. Кажым записано два подобных прозвища: Тарзан (внешне был похож на героя одноименного фильма – кудрявый, смуглый, улыбчивый; потом всех сыновей стали называть Тарзаны²³) и Хан Батый – женщину-информанта называли историческим именем, она сама это осознает, но принцип номинации остался невыясненным: «*А меня дразнили Хан Батэй. [Почему?] А в истории есть этот, Хан Батый-то есть в истории-то. А у нас мать Христина была, и вот по матери меня дразнили Хан Батэй... А прозвища у всех есть. А я уже забыла, какие у кого*»²⁴.

В основе **ассоциативных прозвищ** лежит синонимическая/псевдосинонимическая аналогия. По рассказу одного из информантов проживающие в пос. Кажым братья Шишнёвы всем любили давать прозвища, например представителей семьи Овчинниковых (брата и трех сестер) прозвали Тулуповы: Митька Тулупов, сёстры Тулуповы. Михай – прозвище мужчины, который работал водителем у директора по фамилии Михеев. У женщины-информанта по фамилии Шмидт в пос. Нювчим было прозвище Капитан (по аналогии с капитаном Шмидтом).

¹⁶ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Поповой В. М., 1947 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

¹⁷ Молёк, лья, м. – 1. Вят., Беломор., Волог. – то же что молевина 'рыба-малек; мелкая рыба'; 3. Костром., Астрах. 'рыба-снеток' [10, с. 215–216].

¹⁸ КрохАль – водоплавающая птица семейства утиных с длинным узким клювом [14].

¹⁹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Семячковой Е. М., 1931 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

²⁰ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Воронина Н. А., 1929 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Якша.

²¹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2013 г. от Чистопрудовой Е. А., 1936 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²² Зап. Ю. А. Крашенинникова, С. Г. Низовцева в 2013 г. от Караваевой Г. А., 1939 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²³ Зап. С. Г. Низовцева в 2017 г. от Филёва В. Н., 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

²⁴ Зап. П. А. Шахматская в 2010 г. от Поповой И. А., 1935 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

Отфамильные прозвища зафиксированы нами только на верхней Печоре: Карась < фам. Красиков, Дьяк < фам. Дьяков (он же имел второе прозвище – Кадило – по аналогии с церковной тематикой).

Возрастное положение среди членов семьи закрепились в прозвище информанта из д. Волосница – Коля Меньшой (был младший в семье), а информанта из д. Бердыш называли Молодой, потому что долго был не женат, женился поздно – в 34 года.

Считаем необходимым заметить, что часть прозвищных номинаций зафиксирована без мотивирующего контекста (Курыкало, Карась, Галабола, Голубчик, Чапа и др.), поэтому распределить их по выделенным семантическим группам не представляется возможным.

Личное прозвище может закрепиться за человеком и в дальнейшем перейти на весь его род или отдельных представителей, таким образом возникают семейные или родовые прозвища. Сами информанты подчеркивают: *«Дадут вот прозвище и всю жизнь с этим прозвищами даже дети-то живут... По фамилии говорят, дак [скажут] – мы их не знаем, по прозвищу скажут – дак знаю, как не знаю»*²⁵.

Семейных прозвищ на верхней Печоре зафиксировано немного, среди них отметим номинации Помазят²⁶, Ракшарята, Шарапята. Этимология прозвищных лексем не совсем ясна, тем не менее по комментариям информанта удалось выяснить, что в основе номинирования актуализируются два признака: особенности внешности (чернота волос, смуглость) и внешний вид, способность к уходу за собой (нечистоплотность, неопрятность, грязь): *«А у нас звали, там чёрные были, их почему-то звали Помазят. Вот много их было, все – Помазят, а те – Шарапята. Грязные какие-то – Шарапята. И в Курье они Шарапята были, потом тут, в Пачгино переехали, которые Шарапята были. Почему? Так-то в глаза-то, наверное, не говорили же, по-за глазам-то, может быть... Это когда-то раньше было, теперь уж все вывелись, нету уж там ни Помазят, ничего. Помазёнок вот ещё, Серьга, Лёни Алешиного, вот он у них Помазёнок один растёт. Он не чёрный, ничё, белый. [Чёрный – то, что смуглый?] Да, так, видимо. [А они русские по национальности?] Русские, конечно. [Волосы, может, чёрные?] Может быть»*²⁷.

Семейное прозвище Непомнящих из с. Усть-Унья – Куски. Вероятнее всего, предок был родом из д. Пачгино, состоящей из двух частей, ранее называвшихся Большое и Малое Кусково, поэтому всех выходцев из этих мест называли Куски (прозвище Ефим Кусок получил дед информанта из с. Якша, так как был родом из той же деревни Пачгино). Семья Носовых из с. Усть-Унья имела прозвище Клесты, но, к сожалению, происхождение номинации не удалось выяснить.

Система семейных/родовых прозвищ оказалась более развита в заводских поселениях. К примеру, в пос. Нючпас прозвищем Мавринцы/Мавринец стали называть род Даниловых (вернее, его мужскую половину) по прозвищу деда, а мужчины из рода Костиных получили прозвище Коберцы/Кобереч, так как предок был родом из поселения с названием Кобра или любого другого места, расположенного в бассейне реки Кобра: *«Мавринец – [от слова мавр] наверное, какой-то ревнивец был. Коберцы, Кобереч – может, с Кобры они приехали»*²⁸. Тот же принцип номинирования по месту рождения предка заключен в семейном прозвище Вагановы/Ваганов из пос. Нювчим (родом из мест по р. Вага). У семьи Комышевых из пос. Кажым было прозвище Оши, детей называли Комышевские Ошата (ед. ч. – Ош, Ошонок). Мотивация прозвища не зафиксирована, однако один из информантов предложил возможное объяснение исходя из лексического значения самого слова. Представитель рода Комышевых мог получить прозвище от коми, так как слово *ош* в коми языке означает 'медведь'. Нельзя, на наш взгляд, игнорировать и фонетическое сходство фамилии с соответствующим прозвищем, что могло помочь закрепиться номинации: *«В основном в Шохре [часть поселка. – С. Н.] жили Комышевы, их называли Ошами. Я уж не хотела говорить. Ош, это знаете, медведь. Ош по коми –*

²⁵ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

²⁶ Возм. от слова Помазёнок – Урал. 'кисть, тряпка, пакля на палке или иное приспособление для намазывания, смазки (тележных осей, лодок, копыт и т. п.)' [15, с. 193]. Ср.: Помазок – Урал – в третьем значении 'неопрятный человек' [11, с. 194].

²⁷ Зап. С. Г. Низовцева в 2016 г. от Востриковой Р. А., 1931 г. р., Троицко-Печорский р-н, с. Якша, урож. пос. Пачгино.

²⁸ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Косаревой Э. Н., 1948 г. р., Койгородский р-н, пос. Нючпас.

медведь, и вот их называли Ошами. Медведями ли что ли [называли], выходит, так. Тут у меня дедушка по отцу жил – Комышев... Почему так их называли, не знаю... О, говорят, шохринские оши, медведи, значит. А почему – не могу сказать»²⁹. Семья Леушиных из пос. Кажым получила прозвище Медоны, так как прадед когда-то отливал купола для церкви³⁰.

Интересная система семейных прозвищ животного происхождения зафиксирована в пос. Нювчим: Зайцы < Семячковы, Бараны < Васильевы, Караси/Красики и Петухи < две ветви рода Леушиных. В мотивации двух номинаций – Бараны и Петухи – актуализируются стереотипные концептуальные признаки: семьи получили прозвища по чертам характера (упрямство и драчливость). Вот как сами информанты объясняют номинирование: «Баран – прозвище у прадеда, упрямые наверно были»³¹; «Моё прозвище Бараниха, потому что деда Бараном звали. Меня по маме звали СИлиха [фамилия матери Силина. – С. Н.], а по папе – Бараниха, потому что Васильевские-то все – Барановское отродье было <...>. [Баранами называли] потому что, видимо, такой хороший характер... как баран, козёл рогатый – упорный, упорные люди»³²; «Петухи – это Леушины, были очень бойкие. В праздники-то дрались в рукопашную, и вот их называли Петухами. И между собой они, было их много братьев, и они все дрались»³³. Прозвище Караси/Красики, к сожалению, никто не смог объяснить. Больше всего комментариев и различных толкований удостоилась номинация Зайцы. По одной из версий – отец с маленьким сыном поехали на охоту; побежал заяц, сын сказал отцу: «Тятя, тятя, смотри, заяц бежит, как наша серая кошка!», после чего сына стали называть зайцем и «все поколения стали Зайцы, Зайцевы ребята»³⁴. В семье Семячковых было много детей, и некоторые информанты давали объяснение прозвищу именно по этому обстоятельству (ассоциация с плодовитостью): «А, Зайцы-то да, была большая семья, почему их так звали, не знаю. Все говорили: “Зайцы в школу пошли”, в семье много было детей»³⁵; «Их много, размножаются, как кролики»³⁶; «У них было девять или десять детей, жили очень бедно. И жили около пруда. Муж-то, отец-то был охотником, рыболовом. И отец-то садил детей-то на лодку, и вот по пруду-то ездят, как зайцы, как зайцы. Потом говорят, соседи говорят: “Придем мы к ним, а они зимой-то все на печке, все без штанов, бедно жили, маленькие дети все без штанов сидят. Ну, говорят, настоящие зайцы!”»³⁷. Заметим также, что на лексическом и семантическом уровне прозвище Зайцы стало ассоциироваться с произведением Н. А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы», поэтому один из представителей рода получил второе прозвище – Витя Мазай, и его детей стали называть двойным прозвищем – и Зайцы, и Мазай.

Выводы

Проанализировав корпус личных прозвищ, записанных на конкретных территориях расселения русского населения в Республике Коми, отметим, что и в заводских поселках, и в населенных пунктах верхней Печоры сложилась довольно развитая традиционная система личных прозвищ, которые служат для идентификации человека в микросоциуме, заменяют его официальное имя, выделяют его в коллективе, таким образом выполняют заместительную, номинативную и характеризующую функции. Наличие и широкое распространение андронимов (именование женщин по имени, фамилии мужей) имеет глубокие исторические корни и указывает на устойчивое влияние «материнских» традиций. Среди личных прозвищ жителей и заводских поселений, и верхней Печоры выявлено несколько номинаций диалектного характера; лексика, лежащая в их основе, характерна именно для севернорусских говоров. За-

²⁹ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Двоглазовой В. Д., 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

³⁰ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2013 г. от Добровой И. М. (дев. фам. Леушина), 1934 г. р., Койгородский р-н, пос. Кажым.

³¹ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Савельевой Г. И., 1939 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³² Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Максимовой Л. Д. (дев. фам. Васильева), 1942 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³³ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁴ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Семячкова Л. В., 1944 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁵ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Савельевой Г. И., 1939 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁶ Зап. Ю. А. Крашенинникова в 2015 г. от Кожевникова С. К. 1934 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

³⁷ Зап. С. Г. Низовцева, П. А. Шахматская в 2015 г. от Дмитриевой Г. С., 1938 г. р., Сыктывдинский р-н, пос. Нювчим.

фиксированные прозвища могут обладать нейтральной коннотацией, как андронимы или прозвища, указывающие на деятельность или место рождения номинанта, и нести определенную оценочность, в ряде случаев приобретают иронический и даже негативный оттенок. Наиболее частотны и востребованы на всех рассматриваемых территориях прозвища, выделяющие яркую черту внешности, заметный физический недостаток, определенные личные качества, манеру поведения или речевые особенности номинируемого. Довольно активны также прозвища, данные по месту рождения человека, его роду деятельности, профессии или званию, любимому занятию, и окказиональные номинации. Менее востребованы прозвища, связанные с возрастными особенностями и благосостоянием номинируемого. Появление, на наш взгляд, в более поздний период ассоциативных, отфамильных номинаций и прозвищ с использованием прецедентных имен свидетельствует о расширении прозвищной системы и способствует укреплению этой антропонимической категории в сельской коммуникации. Система семейных/родовых прозвищ наиболее функциональна и востребована в заводских посёлках; одной из возможных причин такой ситуации может быть больший по количеству и более разнородный состав переселенцев.

Список литературы

1. Алейников А. А., Чагин Г. Н. Население в верховьях Печоры и Уньи в конце XIX – начале XX века // Труды Печоро-Ильгского заповедника. Вып. 17. Сыктывкар, 2015. С. 4–12.
2. Комлева Н. В. Отражение мировосприятия жителей Режи в их прозвищах // Севернорусские говоры. Вып. 14 : межвуз. сб. / отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб. : Нестор-История, 2015. С. 194.
3. Крашенинникова Ю. А. История горнозаводских поселений Республики Коми в местной устной прозе (к вопросу об источниках и механизмах формирования фольклорного репертуара) // Человек и событие в исторической памяти : сб. ст. Сыктывкар, 2017. С. 132–147.
4. Крашенинникова Ю. А., Низовцева С. Г. Печорская фольклорная экспедиция ИЯЛИ Коми научного центра УрО РАН // Живая старина. 2017. № 1(93). С. 63–66.
5. Низовцева С. Г. Прозвищная традиция коми: опыт систематизации (по архивным материалам первой трети XX века из фольклорного собрания Национального музея Республики Коми) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 11. С. 94–103.
6. Парфёнова Н. Н., Савиных В. В. Из истории русских женских имен // Вестник Омского университета. 2013. № 1. С. 85–88.
7. Словарь русских народных говоров. Вып. 3 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1968. С. 129, 289.
8. Словарь русских народных говоров. Вып. 6 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1970. С. 168.
9. Словарь русских народных говоров. Вып. 7 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1972. С. 51.
10. Словарь русских народных говоров. Вып. 18 / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, 1982. С. 215–216.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 29 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 1995. С. 193, 194.
12. Словарь русских народных говоров. Вып. 30 / гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб. : Наука, 2006. С. 284, 300.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 45 / отв. ред. С. А. Мызников. СПб. : Наука, 2012. С. 270.
14. Толковый словарь Ефремовой. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/298092.html> (дата обращения 15.11.2018).
15. Шостка Е. С. Региональные прозвища: психологическая и социальная характеристика // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 5(73). С. 59.

Some observations on the system of personal nicknames of residents of Russian settlements of the Komi Republic

S. G. Nizovtseva

researcher of the folklore sector of the Institute of language, literature and history
of Komi Scientific Center of Ural branch of RAS, Russia, Syktывkar.
ORCID: 0000-0003-4197-1850. E-mail: svetlananiz@mail.ru

Abstract. Several Russian settlements created by the Russian immigrants from the different provinces of Russia are distinguished in the territory of the Komi Republic. Among them are the mining settlements of Kazhym, Nyuchpas (Koygorodsky district), Nyuvchim (Syktyvdinsky district) and the settlements of the Troitsk and Pechora district located on coast of Upper Pechora and its inflows; their formation is caused by the different reasons: industry origin, development of northern territories, confessional factor, other. The folklore culture of

these local traditions came to the attention of researchers relatively recently; field researches were carried out only since the beginning of the 21st century; several of works is published. The group of personal nicknames is considered in this article which are written down by employees of the sector of folklore of Institute of language, literature and history during the field expeditions of 2008–2017, is made an attempt of their description and systematization. The common and distinctive features in naming by a nicknames of residents of mining settlements and the upper Pechora are noted during the analysis.

Keywords: Russian tradition, folklore, immigrants, personal nickname, patrimonial nickname.

References

1. Alejnikov A. A., CHagin G. N. *Naselenie v verhov'yah Pechory i Un'i v konce XIX – nachale XX veka* [Population in the upper Pechora and uni in the late XIX-early XX century] // *Trudy Pechoro-Ilychskogo zapovednika* – Proceedings of the Pechora-Ilych reserve. Issue 17. Syktyvkar. 2015. Pp. 4–12.
2. Komleva N. V. *Otrazhenie mirovospriyatiya zhitelej Rezhi v ih prozvischah* [Reflection of the worldview of the inhabitants of Rezhi in their nicknames] // *Severnorusskie govory* – North Russian dialects. Issue 14: interuniversity coll. / resp. ed. A. S. Gerd, V. E. Puritskaya. M. Nestor-History. 2015. P. 194.
3. Krashenninnikova YU. A. *Istoriya gornozavodskih poselenij Respubliki Komi v mestnoj ustnoj proze (k voprosu ob istochnikah i mekhanizmah formirovaniya fol'klornogo repertuara)* [History of the mining settlements of the Komi Republic in local oral prose (to the question about sources and mechanisms of formation of the folk repertoire)] // *Chelovek i sobytie v istoricheskoy pamyati: sb. st.* – Person and the event in historical memory: collection of articles. Syktyvkar. 2017. Pp. 132–147.
4. Krashenninnikova YU. A., Nizovceva S. G. *Pechorskaya fol'klornaya ehkspediciya IYALI Komi nauchnogo centra UrO RAN* [Pechora folk expedition of Institute of Language, Literature and History of Komi science center, Urals branch of RAS] // *Zhivaya starina* – Live antiquity. 2017, No. 1 (93), pp. 63–66.
5. Nizovceva S. G. *Prozvischnaya tradiciya komi: opyt sistematizacii (po arhivnym materialam pervoj treti XX veka iz fol'klornogo sobraniya Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi)* [Nickname tradition of the Komi Republic: the experience of systematization (on archival materials of the first third of the XX century from the folklore collection of the National Museum of the Komi Republic)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* – Herald of Vyatka State Humanities University. 2015, No. 11, pp. 94–103.
6. Parfyonova N. N., Savinyh V. V. *Iz istorii russkih zhenskikh imen* [From the history of Russian women's names] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2013, No. 1, pp. 85–88.
7. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 3 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1968. Pp. 129, 289.
8. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 6 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1970. P. 168.
9. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 7 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1972. P. 51.
10. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 18 / chief ed. F. P. Filin. L. Nauka. 1982. Pp. 215–216.
11. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 29 / chief ed. F. P. Sorokoletov. SPb. Nauka. 1995. Pp. 193, 194.
12. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 30 / chief ed. F. P. Sorokoletov. SPb. Nauka. 2006. Pp. 284, 300.
13. *Slovar' russkih narodnyh govorov* – Dictionary of Russian folk dialects. Issue 45 / resp. ed. S. A. Myznikov. SPb. Nauka. 2012. P. 270.
14. *Tolkovyj slovar' Efremovoj* – Efremova Explanatory dictionary. 2012. Available at: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/298092.html> (accessed 15.11.2018).
15. SHostka E. S. *Regional'nye prozvischcha: psihologicheskaya i social'naya harakteristika* [Regional nicknames: psychological and social characteristics] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* – Herald of Tambov University. Ser.: Humanities. 2009, issue 5 (73), p. 59.